МИР 08.11.2019 | Пол Мейсон

Не обремененный ни углеродом, ни капитализмом

Пол Мейсон сопоставляет Манчестер своего детства и посткапиталистической эпохи – и называет главные вызовы переходного периода

Представьте такую картину: в одном прекрасном городе, где 40 процентов трудоспособных жителей производят всякую всячину на станках и вручную, появляется на свет ребенок. Доминирующим фактором в социальных отношениях является зарплата. Местный социальный контракт суров и воплощается в системе налогообложения. Поставщиком большинства услуг является государство.

Через 60 лет в том же городе рождается еще один ребенок. Теперь лишь 10 процентов населения работает в производственной сфере, да и то половина занята реализацией задач, которые больше напоминают научные изыскания или компьютерную обработку данных. Главные формы капиталистической эксплуатации носят теперь преимущественно финансовый характер, причем фактор зарплаты в общественных отношениях уступил пальму первенства добыванию стоимости – при помощи процентов, монопольного ценообразования, низкооплачиваемого труда и эксплуатации поведенческих данных. Большинство услуг поставляется через рынок.

Этот 60-летний отрезок, вырванный из 250-летнего жизненного цикла промышленного капитализма, явно пережил значимую трансформацию. Его движущими силами стали технологии, глобализация и развитие человеческого потенциала. А его влияние на социум не вызывает никаких сомнений.

В 1960-х годах шум переполнял улицы того города, а по воскресеньям там было тихо, как на кладбище. Существовала четкая разграничительная линия между работой и досугом. Сегодня на тех улицах правит бал гул летних кафе, тротуары переполнены людьми, которые беседуют друг с другом или роются на ходу в своих

интеллектуальных устройствах.

В 1960-х годах один известный ученый, живший и работавший в том городе, пережил череду гонений за свою тайную гомосексуальность. Сегодня его портрет красуется на 50-фунтовой банкноте, а в городе есть целый квартал, посвященный гей-культуре.

Этим городом является Манчестер, в окрестностях которого я родился в 1960 году. Снискав себе славу колыбели промышленной революции, он не устает поражать текущей динамикой своих трудовых ресурсов. Из 1,76 млн человек трудоспособного населения 24 процента работает в финансовой сфере и предоставляет специализированные услуги; 20 процентов – в здравоохранении, образовании и службах социальной защиты; лишь 10 процентов – в производственном секторе.

Без углерода и капитализма

Возникает вопрос: каким будет Манчестер еще через 60 лет? Подводя логическую черту под этой серией своих эссе, я хочу попытаться представить самый благоприятный итог для колыбели промышленного производства, который принесет с собой переходный период, не обремененный ни углеродом, ни капитализмом.

Нет видимых препятствий для того, чтобы осуществить полную автоматизацию промышленного производства в течение 60 лет и свести роль рабочего персонала на большинстве заводов к малочисленным функциям контроля. К тому времени мы должны будем продвинуться гораздо дальше простой автоматизации процессов жизнедеятельности человека (как в случае с роботами в автомобильной промышленности, которые, будто люди-великаны, демонстрируют чудеса скорости в точечной сварке), сами же процессы будут происходить фактически без участия человека. Ничто не мешает нам «вырастить» какой-то металлический объект или напечатать его по аналогии с нынешним методом изготовления лопастей турбовентиляторного двигателя из цельного металлического кристалла чуть ли не в лабораторных условиях.

Таким образом, более 95 процентов рабочей силы будет, вероятно, сосредоточено в сфере обслуживания, а немалая ее часть – в секторе услуг, предоставляемых человеком человеку. Финансовых работников также поубавится, поскольку мы искореним финансовые спекуляции и автоматизируем многие финансовые процессы – например, банковское обслуживание коммерческих предприятий,

коммерческое право, бухгалтерский учет и форвардные рынки. А штаты здравоохранительных, культурных, спортивных и образовательных учреждений достигнут внушительных размеров. На их фоне блекнет сектор коммерческих услуг – точно так же, как сегодня на фоне коммерческих услуг блекнет производственная сфера.

2020-е годы прошли под знаменем борьбы между экономикой с упором на прибыль и экономикой с упором на людей и планету в целом.

Большинство людей будут «работать» лишь два или три дня в неделю, а труд, как и сегодня, будет представлять собой смесь работы и досуга. Будет окончательно доказана несостоятельность знаменитой взбучки, которую Карл Маркс устроил Шарлю Фурье: речь шла о том, что труд «не может превращаться в игру», может сокращаться лишь его продолжительность. Но они оба оказались правы: автоматизация сократила рабочие часы и размыла границы.

Не останется больше монополий инфотеха – будет только смесь малых и средних инновационных компаний (МСК), получающих традиционную прибыль, и публично-информационных коммунальных предприятий, которые взимают плату только за производство и техническое обслуживание.

Комплексное медицинское обслуживание (в том числе психиатрия, физиотерапия и стоматология), образование вплоть до высшего и городской транспорт – все это бесплатно. Средний размер арендной платы составит приблизительно 5 процентов от средней зарплаты (как в Красной Вене в 1920-х годах), и процентная ставка по ипотеке будет приблизительно на том же уровне.

К 2080 году город уже достигнет нулевого показателя выбросов углерода, а его прогрессивная администрация активно будет участвовать в инновационных процессах по удалению углерода из атмосферы и выплате углеродных компенсаций всему остальному миру.

Культурная и политическая борьба

Следующий вопрос: как мы дойдем до такой жизни?

Во-первых, десятилетие между 2020 и 2030 годами мы отдадим на откуп массовой культурной и политической борьбе за капитализм

нового образца. Сформируются разные правительства, которые пресекут финансовые спекуляции; будут построены миллионы квадратных метров нового и экологически безвредного социального жилья, а также инициирована экологизация остального жилищного фонда; будут выделены средства на создание новых систем городского транспорта, а также на вывод из эксплуатации всех легковых и грузовых автомобилей с бензиновыми и дизельными двигателями; будут раздроблены или национализированы IT-монополии и данные станут общественным достоянием; сознательно будет поощряться создание большого и кластеризированного некоммерческого сектора экономики, включая банки, розничные магазины, поставщиков медицинских и социальных услуг, а также центры культурного производства; будут упразднены все формы принуждения в системе соцобеспечения, будут объединены государственные пенсии и социальные пособия в единый скромный базовый доход, право на который закреплено в конституции.

В итоге к 2030 году по-прежнему будет существовать капитализм. Но власть освоит другие методы его оценки не только путем вычислений ВВП, но и путем подсчета фактического объема изготовленной продукции, затрат рабочего времени и производительности. Если в 2020 году в структуре «общей экономической полезности» 40 процентов будет приходиться на долю государства, 59 процентов – на долю коммерческих структур и один процент – на долю неприбыльных организаций, то к 2030 году уже какие-никакие 10 процентов экономики будут работать в режиме «по себестоимости». Номинальный валовый внутренний продукт стабилизируется и начнет сокращаться.

Как следствие, тон в ценообразовании на финансовых рынках будут задавать искоренение спекуляций и полное прекращение процесса накопления капитала. Проще говоря, эти рынки охватит паника – в свете рождения постуглеродного и посткапиталистического мира, а государство и центральный банк вынуждены будут вмешаться для обеспечения безопасности, стабильности и контроля за финансовой инфраструктурой и не препятствовать краху спекулятивного капитала. Программа всеобщего спасения будет основана на выпуске денег центральным банком и монетизации национального долга.

2020-е годы пройдут под знаменем борьбы между экономикой с упором на прибыль и экономикой с упором на людей и планету в целом. Радикальное социал-демократическое правительство, осознавая все угрозы слишком резкого и интенсивного государственного вмешательства, сознательно пойдет на поощрение вторичного роста частного сектора в разрезе МСК, прибегая к

публичному вмешательству и задействуя финансовые инструменты для выдавливания предпринимателей из операций с низкой добавленной стоимостью в сторону технологических и социальных инноваций.

Мировая экономическая система, которая к 2020 году уже находилась в состоянии дезинтеграции, не сможет пережить одновременного педалирования зеленого посткапитализма со стороны леволиберальных и социально-демократических партий. К 2030 году глобальная экономика распадется на региональные блоки, причем Европа станет самым успешным из них, а Китай поглотит Россию вместе с Центральной Азией и Северной Америкой, образовав новый и довольно самодостаточный рынок.

Левым силам необходимо придумать собственную утопию, иначе им не пережить всех баталий 2020-х годов

Но после 2030 года, на фоне подавления финансовой глобализации, откроется недвусмысленное второе дыхание у новой формы экономической глобализации, основанной на путешествиях, информационном обмене и торговле сырьем.

В промежутке между 2030 и 2050 годами муниципальная власть в Манчестере бескомпромиссно будет уделять первоочередное внимание идее реального перехода в разряд городов с нулевым показателем выброса углерода. Жизнь в Манчестере будет строиться по принципу городской агломерации: крупные предприятия сферы услуг, такие как университеты, научно-исследовательские структуры и большие медицинские центры, будут выноситься в малые и средние населенные пункты, в которых ранее концентрировалась промышленность и которые еще вчера пребывали в состоянии стагнации.

К 2040 году центр Манчестера станет пешеходной зоной, главными средствами передвижения будут велосипеды и трамваи. Полетные квоты останутся в силе, но появятся перспективные разработки в области массовой авиации, не продуцирующей углерода и работающей на топливных элементах. А потому город решит сохранить Манчестерский аэропорт, несмотря на позицию радикальных сил, требовавших разбить на его месте лесопарковую зону.

От реки Эруэлл и в 2020 году точно так же веет сыростью, как и в те времена, когда Фридрих Энгельс созерцал ее с высоты одного из манчестерских мостов, – теперь на ее берегах резвятся выдры, а в ее верховьях – где-то между Рэмсботтомом и Бакапом – селятся бобры.

Что касается общественной жизни Манчестера, то она в такой же мере отличается от современной, как и современная от послевоенной эпохи Эны Шарплз и Стэна Огдена (персонажи мыльной оперы «Улица Коронации» – действие телесериала разворачивалось в вымышленном городе, прототипом которого послужил г. Солфорд). Однако не в моих силах предсказать эти отличия.

Дефицит фантазии

Левым силам необходимо придумать собственную утопию, иначе им не пережить всех баталий 2020-х годов. Но что печалит в нынешней нацеленности на достижение углеродной нейтральности, так это тотальное отсутствие полета фантазии – в политических, научных и протестных кругах – на предмет того, что из себя должна представлять экономика, дабы стать предпосылкой для достижения этой нейтральности.

Крах экономической фантазии в каком-то смысле понятен. Экономика как массовая научная дисциплина получила свое развитие лишь в последние 60 лет, а ее основополагающий принцип до сего момента сводился к тому, что любые отличия – от лукавого. Но поскольку сейчас мир вынужден выдумывать капитализм без углерода, то ему, по всей видимости, также придется поразмыслить над экономикой без принудительного труда.

Главные цели сводятся к следующему: перевести современную экономику на безуглеродные рельсы и придать ей замкнутый характер в ресурсном отношении; сократить продолжительность рабочего времени, что будет способствовать ощутимому улучшению здоровья людей и счастливому самоощущению; возродить связи между периферийным промышленным поясом и центральной частью манчестерской агломерации; отыскать стабильные источники продовольствия. Моделирование и тестирование различных путей перехода к новому жизненному укладу должны стать вопросами жизни и смерти.

Именно город видится первичной единицей для осуществления такого перехода: он достаточно велик для масштабных операций, но при этом достаточно мал для того, чтобы не мешать исследованиям различных путей перехода в разных городах и чтобы горожане могли ощущать свою причастность к процессу принятия решений и напрямую получать соответствующий опыт.

В 1960 году, когда я появился на свет, Манчестер выглядел и воспринимался чем-то вроде электрифицированной версии самого

себя в XIX столетии: те же заводские трубы, та же брусчатка на мостовых, тот же уголь на каждом углу. Сегодня есть ощущение конца прежней эпохи. К 2080 году должен завершиться и весь качественный переход к новому жизненному укладу. Но без сформированного представления о нем этот процесс так и будет оставаться в зародышевом состоянии.

Эта статья является совместной публикацией Social Europe и IPG-Journal

---

Пол Мейсон
Лондон

Пол Мейсон (Paul Mason)- известный британский писатель и тележурналист. В 2016 году вышла его книга "Посткапитализм. Путеводитель по нашему будущему".